

подготовить выборы нового гетмана. Им должен был стать стародубский полковник Иван Скоропадский, что следует из письма царя к графу Головкину: *"...Сегодня получил я ведомость от г. князя Меншикова, что гетмана к прежней его болезни припала апелепсия... ежели воля Божия какая с оным определитца, чтоб, не мешкая, другого, для чего не худо чтоб Скоропадской недалеко был"*.

Наступают последние дни перед бегством. В указанный срок (22 октября) королевские войска к Макошинской пристани на Десне, находившейся в 25-30 километрах от Борзны, не явились. Можно себе представить тревогу Мазепы, которая буквально на следующий день разрослась до настоящей паники. Он снова посылает того же Быстрицкого к Карлу, но в это время в крайнем волнении прибывает Войнаровский и объявляет, что Меншиков прибудет в Борзну в воскресенье (24 октября). Войнаровский утверждал, что причиной его тревоги и фактически тайного бегства было то, что он якобы услышал, как один офицер-немец говорил другому офицеру: *"Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах"*. Эта фраза, которая приводится почти всеми историками, вполне могла быть той каплей, которая переполнила чашу страха быть раскрытым. Если бы не одно "но". В своем письме генеральный писарь Филипп Орлик пишет: *"Я не знаю до сих пор, точно ли слышал это Войнаровский или Мазепа научил его так говорить, чтоб нас всех обольщать"*. Существует и другое мнение, что ближайшее окружение гетмана сговорилось с Войнаровским с целью заставить Мазепу принять нужное им решение. Так или иначе, момент истины настал, встреча с Меншиковым могла закончиться полным разоблачением. И началась гонка.

Буквально в тот же день "умирающий" гетман преобразился, по выражению Орлика *"порвался как вихрь"*. В субботу 23 октября вечером гетман Мазепа и все посвященные в его планы примчались в Батурин (расстояние от Борзны до Батурина – около 30 километров). Прежде всего, Мазепа отправил с глаз долой царского полковника Анненкова, отослав его к